

**Департамент образования города Москвы
Московский институт открытого образования
Кафедра филологического образования**

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Школьный этап

2012-2013 учебный год

9 класс

1А (max 4)	1Б (max 6)	2 (max 15)	3 (max 20)	4 (max 45)	Итого (max 90)

1. Узнайте писателей.

А) [4 балла] Автор бессмертной комедии, «половина» стихов которой, по словам Пушкина, «должна войти в поговорку». После его трагической гибели персидский шах послал Николаю I алмаз в 88,7 карата. *Напишите имя, отчество, фамилию автора и название комедии.* _____

Б) [6 баллов] Знаменитый французский драматург, современник Людовика XIV, неустанно обличавший в своих комедиях глупость, алчность, ханжество. М.Булгаков посвятил его жизни и творчеству прекрасную книгу и великолепную пьесу. *Напишите имя и фамилию драматурга, а также название хотя бы одной его комедии* _____

2. [15 баллов] *Подчеркните средства художественной выразительности, напишите их названия. Номера стоят напротив строк, в которых представлены средства художественной выразительности. Приёмы могут повторяться. Возможен не один правильный ответ.*

Пусть вечно милы посевы, скаты, Кудрявость рожи, кресты церквей, Что в яркой сини живут, сверкая, — И все ж, деревня, прощай, родная!	1) 2) 3), 5)	
Обречена ты, обречена ты Железным ходом судьбы своей. Весь этот мирный, весь этот старый, Немного грубый, тупой уклад	6) 7), 9) 10)	4) 8)
Померкнуть должен, как в полдень брачный Рассветных тучек узор прозрачный, Уже, как громы, гудят удары, Тараны рока твой храм дробят. <i>(Валерий Брюсов)</i>	11) 12) 13) 14)	

3. [20 баллов] В XVIII–начале XIX века был распространен жанр надписи к портрету. Пронаблюдайте на примерах, как устроен это жанр.

К ИЗОБРАЖЕНИЮ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА Великого Петра дел славных проповедник, Витийством Златоуст, муз чистых собеседник, Историк, богослов, мудрец российских стран - Таков был пастырь стад словесных Феофан. <i>Василий Майков, 1777</i>	К ПОРТРЕТУ Н.М. КАРАМЗИНА Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом Грозит тебе он пленом: В Аркадии б он был счастливым пастушком, В Афинах — Демосфеном. <i>Иван Дмитриев, 1803</i>

Сочините надпись к портрету русского писателя.

4. Выберите ОДНО из заданий (I или II).

Прочитайте текст. Напишите сочинение (эссе, анализ). Пишите связным текстом. Работы, написанные отдельными, не связанными между собой предложениями, не оцениваются. Пишите свободно, красиво, грамотно, доказательно, интересно.

I. Интерпретация лирического произведения.

Афанасий Фет (1820 — 1892)

УЗНИК

Густая крапива
Шумит под окном,
Зелёная ива
Повисла шатром;

Весёлые лодки
В дали голубой;
Железо решётки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

1843

II. Комплексный анализ прозаического текста.

Викентий Викентьевич Вересаев (1867–1945)

МАТЬ

Из записной книжки

Сегодня утром я шёл по улицам Старого Дрездена. На душе было неприятно и неловко: шёл я смотреть её, прославленную Сикстинскую мадонну. Ею все восхищаются, ею стыдно не восхищаться. Между тем бесчисленные снимки с картины, которые мне приходилось видеть, оставляли меня в совершенном недоумении, чем тут можно восхищаться. Мне нравились только два ангелочка внизу. И вот, — я знал, — я буду почтительно стоять перед картиною, и всматриваться без конца, и стараться натащить на себя соответственное настроение. А задорный бесёнок будет подсмеиваться в душе и говорить: «Ничего я не стыжусь, — не нравится, да и basta!..»

Я вошёл в Цвингер. Большие залы, сверху донизу увешанные картинами. Глаза разбегаются, не знаешь, на что смотреть, и ищешь в путеводителе спасительных звёздочек, отмечающих «достойное». Вот небольшая дверь в угловую северную комнату. Перед

глазами мелькнули знакомые контуры, яркие краски одежд... *Она!* С неприятным, почти враждебным чувством я вошёл в комнату.

Одиноко в большой, идущей от пола золотой раме, похожей на иконостас, высилась у стены картина. Слева, из окна, полузанавешенного малиновою портьерою, падал свет. На диванчике и у стены сидели и стояли люди, тупо-почтительно глаза на картину. «Товарищи по несчастью!» – подумал я, смеясь в душе. Но сейчас же поспешил задушить в себе смех и с серьёзным, созерцающим видом остановился у стены.

И вдруг – незаметно, нечувствительно – всё вокруг как будто стало исчезать. Исчезли люди и стены. Исчез вычурный иконостас. Всё больше затуманивались, словно стыдясь себя и чувствуя свою ненужность на картине, старик Сикст и кокетливая Варвара. И среди этого тумана резко выделялись два лица – Младенца и Матери. И перед их жизнью всё окружающее было бледным и мёртвым... Он, поджав губы, большими, страшно большими и страшно чёрными глазами пристально смотрел поверх голов вдаль. Эти глаза видели вдали всё: видели вставших на защиту порядка фарисеев, и предателя-друга, и умывающего руки чиновника-судью, и народ, кричащий: «Распи его!» Да, он видел этим проникающим взглядом, как будет стоять под терновым венцом, исполосованный плетью, с лицом, исковерканным обидою, животною мукою, как там, через несколько зал, на маленькой картине Гвидо Рени...

И рядом с ним – она, серьёзная и задумчивая, с круглым девическим лицом, со лбом, отуманенным дымкою предчувствия. Я смотрел, смотрел, и мне казалось: она живая, и дымка то надвигается, то сходит с её молодого, милого лица... А в уме бессмысленно повторялось начало прочитанной внизу подписи...

«Fecit Raffaello a' monaci neri...»¹

Из мёртвого тумана женский голос спрашивал по-немецки:

– Что это там внизу, яйцо?

Мужской голос отвечал:

– Это папская тиара.

А дымка проносилась и снова надвигалась на чистый девический лоб. И такая вся она была полная жизни, полная любви к жизни и к земле... И всё-таки она не прижимала сына к себе, не старалась защитить от будущего. Она, напротив, грудью поворачивала его навстречу будущему. И серьёзное, сосредоточенное лицо её говорило: «Настали тяжёлые времена, и не видеть нам радости. Но нужно великое дело, и благо ему, что он это дело берёт на себя!» И лицо её светилось благоговением к его подвигу и величавою гордостью. А когда свершится подвиг... когда он свершится, её сердце разорвётся от материнской муки и изойдёт кровью. И она знала: это...

Вечером я сидел на Брюлевской террасе. На душе было так, как будто в жизни случилось что-то очень важное и особенное. В воздухе веяло апрельскою прохладой, по ту сторону Эльбы береговой откос зеленел весеннею травкою. Запад был затянут оранжевою дымкою, город окутывался голубоватым туманом. По мосту через Эльбу, высоко, как будто по воздуху, пронёсся поезд, выделяясь чёрным силуэтом на оранжевом фоне зари.

Я сидел, и вдруг светлая, поднимающая душу радость охватила меня – радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту *такое* материнство. И пускай в мёртвом тумане слышатся только робкие всхлипывания и слова упрёка, – есть Она, есть там, в этом фантастическом четырёхугольнике Цвингера. И пока она есть, жить на свете весело и почётно. И мне, неверующему, хотелось молиться ей.

Темнело. Я шёл через площадь. На небе рисовались два чёрные, как будто закоптелые шпица церкви св. Софии. Вот он и молчаливый Цвингер. Окна темны, внутри тишина и безлюдье. И мне стало странно: неужели и в той комнате может быть темно, неужели её лицо не светится?

1903

¹ «Сделано Рафаэлем для чёрных монахов» (итал.).